

175-5-1

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 11

НОЯБРЬ

1873

мѣстностью, и если наблюдение сдѣлано, шаръ снова укладывается, и вся операція продолжается не болѣе десяти минутъ. Точно также быстро шаръ можетъ оказать свое содѣйствіе при переносѣ орудія черезъ глубокой оврагъ или рѣку. Не сомнѣваясь въ пользѣ примѣненія аэростатовъ къ военному дѣлу, замѣтимъ только, что всѣ усовершенствованія по этому пути, т. е. при принятіи монгольфьеровъ, весьма возможны. Такъ, способъ нагреванія, система флаговъ, для передачи наблюдений, сообщеніе депешъ изъ монгольфера на землю, все это такія вещи, которыя легко могутъ быть усовершенствованы, соотвѣтственно потребностямъ.

Обратимся теперь къ примѣненію аэростатовъ для метеорологическихъ наблюдений. Шарьеры и въ этомъ случаѣ оказываются неудобными: они обойдутся весьма дорого, и не только для первоначальнаго обзаведенія, но и для поддержанія ихъ въ дѣйствіи, потребуютъ огромныхъ издержекъ. Наблюденія на метеорологическихъ станціяхъ должно производиться ежедневно, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ сутки; съ монгольфьеромъ это можетъ быть исполнено легко, при самомъ незначительномъ расходѣ. Устройство нѣсколькихъ станцій въ Россіи, напримѣръ, въ Архангельскѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Оренбургѣ, Одессѣ и Тифлисѣ, принесло бы большую пользу метеорологіи, поставило бы дѣло воздухоплаванія на практическую почву и подготовило бы для военнаго времени людей, знакомыхъ съ аэронавтикой.

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ опровергнуть мнѣніе, что, будто бы, монгольфьеры опасны, и что шарьеры, въ этомъ отношеніи, представляютъ болѣе гарантій. Въ исторіи воздухоплаванія мы не знаемъ ни одного случая воспламененія монгольфьера, тогда какъ были весьма грозные случаи взрыва шарьеровъ. Монгольфье пропитывалъ ткань своихъ аэростатовъ просто квасцами, и это оказалось вполнѣ достаточнымъ; нынѣ же мы имѣемъ большой выборъ веществъ, отнимающихъ воспламеняемость у тканей, напримѣръ, фуксово стекло, вольфрамовикисый патръ и многія другія соли.

Итакъ, повторимъ, для военныхъ и для метеорологическихъ цѣлей полное преимущество на сторонѣ монгольфьеровъ. Для успѣха этого дѣла у насъ необходимо сдѣлать самостоятельный починокъ, не обращая воровъ на западъ.

И. К.

ОЧЕРКЪ ВЕРХНЕЧИРЧИКСКАГО КРАЯ.

Рѣка Чирчикъ. — Кишлаки у верхняго Чирчика. — Растительность въ горахъ. — Ходжагентскій чинаръ. — Богустанскій садъ. — Общій видъ горныхъ деревушекъ. — Горныя племена. — Типъ горныхъ таджиковъ. — Таджикскія женщины. — Характеръ горцевъ. — Занятія жителей. — Зима въ горахъ. — Запасы каменнаго угля близъ Ходжагента.

Верстахъ въ тридцати отъ Ташкента, у развалинъ бывшаго канаскаго укрѣпленія Ниязъ-бекъ, долина рѣки Чирчика начинаетъ суживаться горами, которыя, верстахъ въ семидесяти отъ Ташкента, у деревни Ходжагентъ, окончательно сдвигаются коротко поименованной рѣки. Отсюда Чирчикъ становится уже совершенно горною рѣкою, а немного далѣе, по слияніи съ Псеюмомъ, онъ получаетъ названіе Чоткала. Ходжагентъ составляетъ какъ бы узелъ, близъ котораго горныя рѣчки (Угамъ, Пскемъ, Консу, Чоткаль), вливаясь въ одно русло, образуютъ Чирчикъ, который отъ Ходжагента уже одиноко мчитъ свои воды въ Сыръ-дарью. Отсюда Чирчикъ не только не принимаетъ никакихъ притоковъ, а, наоборотъ, самъ испускаетъ огромныя каналы (арыки), имѣющія видъ рѣкъ. Первая такая канавка—*Зазъ-арыкъ*, отдѣляется близъ деревни Сайланъ, верстахъ въ пятидесяти отъ Ташкента, а вторая—*Босъ-су* у Ниязъ-бека.

За Ходжагентомъ, по узкимъ долинамъ рѣчекъ, составляющихъ Чирчикъ, пріютилось нѣсколько деревушекъ (кишлаковъ), какъ бы отторженныхъ отъ остальнаго міра и замурованныхъ въ горахъ. Все здѣсь самобытно, оригинально, не похоже на то, что путешественникъ привыкъ видѣть на равнинахъ Средней Азіи. Территорія верхняго Чирчика поражаетъ глазъ своимъ горнымъ характеромъ, пріобрѣтающимъ еще болѣе предели отъ контраста съ равнинами и пустынями, характеризующимися безпредѣльнымъ бассейномъ Сыра. Здѣсь помпунто долины чередуются съ горами, щели съ острыми гребнями и вся страна походитъ какъ бы на море, застывшее въ моментъ сильнѣйшаго волненія. Единственно чего не достаетъ здѣсь—это лѣса и вообще развитія болѣе широкой растительности. Сады и деревья окружаютъ только деревушки, гдѣ растительность развивается при посредствѣ орошенія. По откосамъ же горъ и въ ущельяхъ ра-

стительность является частью въ видѣ жидкаго кустарника, частью въ видѣ одиночныхъ деревьевъ, не образующихъ не только лѣса, но даже и рощицъ. Болѣе густо разрастаются деревья и кустарники, узенькими полосками, по дну глубокихъ щелей.

Растительность верхняго Чирчика такъ же оригинальна и интересна, какъ и сама территорія, орашаемая этою рѣкою. Здѣсь произрастаютъ такія породы растений, какихъ не существуютъ въ другихъ мѣстахъ, либо очень рѣдки. Сюда относятся фисташки, миндаль, волошскій орѣхъ, арча, боярка, дулака желтая и красная, тагъ-альча, катранга, камъ-хастакъ и др. Два послѣдніе вида растений, какъ кажется, совсѣмъ неизвѣстны европейцамъ, а потому заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія. *Катранга* растетъ довольно высокими деревьями, вѣтви ея искривлены и угловаты, листъ небольшой, зубчатый, ягода маленькая, въ зрѣломъ видѣ желтая и сладкая; эту ягоду туземцы ѣдятъ въ сыромъ видѣ, а изъ косточекъ выбиваютъ масло. *Камъ-хастакъ* также растетъ въ видѣ довольно большаго дерева и замѣчательнъ обиліемъ маленькихъ черныхъ ягодъ, густо сидящихъ на вѣткахъ. Ягоды имѣютъ противный вкусъ, почему въ пищу и не употребляются. Изъ другихъ породъ деревьевъ и крупныхъ кустарниковъ, находимыхъ въ горахъ, а также и въ садахъ горцевъ, заслуживаютъ быть упомянутыми: яблони, персики, урюкъ, тополь, таль, тутъ, карагачъ, чинаръ и др. Орѣхъ и чинаръ доходятъ тамъ до громаднхъ размѣровъ. Особенно замѣчательнъ старый чинаръ, растущій въ Ходжакентѣ, въ небольшомъ саду, при мечети. Ходжакентскій чинаръ представляетъ собою, нѣкоторымъ образомъ, чудо природы: его исполинскій стволъ у коима имѣетъ до тридцати шаговъ въ окружности. Гигантъ этотъ давно лишился уже верхней своей части и вѣтвей; кромѣ того, самая внутренность его сгнила, чрезъ что образовалось дупло, въ которомъ, какъ въ комнатѣ, свободно можетъ помѣститься человѣкъ двадцать. Вокругъ этого исполина изъ его боковъ выросло до восьми другихъ громадныхъ чинаровъ, обняющихъ своего патріарха широко раскидистыми вѣтвями. Верстахъ въ четырнадцати отъ Ходжакента, въ деревнѣ Богустанъ (на Песекмѣ) обращаетъ на себя вниманіе обиліе орѣховыхъ деревьевъ, образующихъ цѣлыя рощи, въ густой зелени которыхъ укрывается названная деревушка. Въ одной верстѣ отъ этой деревушки къ югу находится довольно большой прекрасный садъ, заключающій въ себѣ множество различныхъ породъ деревьевъ, въ числѣ которыхъ произрастаетъ и вышеупомянутый видъ катранги. Въ центрѣ сада расположено бѣдное и невзрачное зданіе—могила (мазаръ)

святого, по имени *Хазретъ-Шейхъ-Умара*, отца ташкентскаго патрона *Шахантаура*, покоящагося въ Ташкентѣ. По рассказамъ муллъ, Шейхъ-Умаръ жилъ за 840 лѣтъ передъ симъ. Святой этотъ пользуется большою популярностью, вслѣдствіе чего молемики изъ Ташкента и окрестностей, ежегодно, по окончаніи полевыхъ работъ, приходятъ сюда для поклоненія, принося, вмѣстѣ съ тѣмъ, посланную дань состоящимъ при мазарѣ мулламъ, обязывающимся чрезъ то молиться и съ своей стороны о спасеніи душъ жертвователей. При могилѣ находится бѣдная мечеть, и еще болѣе бѣдная и жалкая пристройка—гробница племянника Шейхъ-Умара, двоюроднаго брата ташкентскаго Шахантаура.

Населеніе верхнечирчикскаго края, хотя и расположено среди восхитительной природы, но тѣмъ не менѣе крайне бѣдно. Улицы и дворы въ кишлакахъ покрыты соромъ и навозомъ, накопляющимся въ теченіи очень долгаго времени. Глиняные дома жителей—низенькіе, темные, освѣщаемые одною небольшою дырою, пробиваемою въ стѣнѣ, а то и вовсе безъ отверстія, такъ что свѣтъ въ жилища проникаетъ лишь тогда, когда отворится дверь, столь низкая, что во внутрь комнаты приходятъ входить чуть не ползкомъ. Въ комнатахъ страшный беспорядокъ: разный хламъ наваленъ кучами. Не смотря на грязь и нечистоту въ домахъ и на улицахъ, нечистоту, которая въ другихъ мѣстахъ породила бы разныя болѣзни, мѣстное населеніе пока избавлено отъ таковыхъ, вслѣдствіе того, что горный воздухъ еще не отравленъ до такой степени, какъ въ другихъ болѣе густо населенныхъ мѣстахъ. Мѣстность, занимаемая описываемыми мною деревушками, еще слишкомъ мала сравнительно съ окружающимъ пространствомъ, и населеніе пользуется пока свѣжимъ, чистымъ здоровымъ воздухомъ, дѣйствующимъ необыкновенно благотворно на грудь.

Благодаря этой свѣжести и чистотѣ воздуха, горы были избавлены и отъ холеры, свирѣпствовавшей въ прошломъ году во всѣхъ степныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края. Эпидемія не смѣла заглянуть въ жилища горцевъ, расположенныхъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстъ, гдѣ она производила ужасное опустошеніе. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе интересенъ, что жители верхняго Чирчика питаются и продолжаютъ питаться фруктами и плодами, такъ какъ хлѣба ими засѣвается мало.

Обитатели горныхъ кишлаковъ принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ племенамъ, а именно: въ двухъ ближайшихъ кишлакахъ: Ходжакентѣ и Булсанѣ живутъ *узбеки* — тюркскаго

племени, а въ остальныхъ—*таджики*, чистѣйшіе представители иранскаго корня. Эти горные таджики суть остатки племени, нѣкогда населявшаго бассейнъ Сыра, и въ разное время покореннаго на равнинахъ ордами тюркскаго и монгольскаго племени. Большинство аборигеновъ либо переродилось, либо было вытѣснено, и только небольшая часть ихъ, удаляясь въ горы, осталась въ первобытной чистотѣ.

Типъ горныхъ таджиковъ чрезвычайно правильный и красивый: лицо у нихъ открытое, нозь орлиный, глаза черные, большіе, борода тоже черная, окладистая. Лица женщинъ весьма привлекательны; онѣ не сохранили мусульманскаго обычая закрывать внѣ дома свое лицо густымъ покрываломъ. Но, не смотря на то, при встрѣчѣ съ иноплеменикомъ, посѣщающимъ ихъ заброшенный уголокъ, онѣ все-таки не могутъ рѣшиться показать ему свое лицо. Завидѣвъ иноплеменика, таджикскія женщины опростомѣе кидаются въ стороны, лица закрытыя гдѣ нибудь за воротами, откуда нугливо высматриваютъ въ щелку на дикинину для нихъ личность. Въ случаѣ, если на улицѣ спрятаться некуда, наивныя существа закрываютъ лицо руками, либо краемъ своей одежды. При встрѣчѣ въ полѣ онѣ прячутъ голову въ траву, напоминая, такимъ образомъ, страуса, зарывающаго голову въ песокъ, съ цѣлью укрыться отъ преслѣдованія со стороны свирѣпыхъ охотниковъ.

Женщины здѣсь не порабощены, если разумѣть слово порабощеніе въ смыслѣ дурнаго обращенія мужа и невозможности для жены избѣжать такового. Въ случаѣ какихъ либо обидъ или оскорбленій со стороны мужа, жена имѣетъ полное право обратиться къ казы (судѣ), съ просьбою о разводѣ. Разобравъ жалобу и найдя ее уважительною, казы разрѣшаетъ разводъ и жена вправѣ тотчасъ же выйти за другаго. Впрочемъ, въ этомъ благодатномъ уголкѣ никакихъ ссоръ не только въ семьяхъ, но и внѣ оныхъ не происходитъ. Въ одномъ только отношеніи горцы несправедливы къ своимъ женамъ, за что послѣднія, повидимому, великодушно прощаютъ неблагодарныхъ; это именно измѣна и при томъ измѣна, имѣющая характеръ двойнаго порока....

Горцы живутъ искони по развѣведенному порядку, соблюдая извѣстные обычаи, какъ въ домѣ, такъ и внѣ. Замковъ и запоровъ они не знаютъ, да и не въ чѣмъ: уграденная вещь тотчасъ всплыла бы наружу, такъ какъ въ деревнѣ всѣ другъ друга знаютъ, какъ свои пять пальцевъ. Единственный родъ несогласій, возникающій между ними, состоитъ изъ за поправки пашей и огородовъ скотиною.

Желанія горцевъ крайне малы: они какъ бы наглядно изобража-

ютъ собою извѣстное изреченіе древнихъ мудрецовъ, что счастье состоитъ въ ограниченіи своихъ желаній. Интересы ихъ не переходятъ за предѣлы роднаго гнѣзда. Городъ Ташкентъ, находящійся отъ нихъ перстахъ въ 70—80, большинству извѣстенъ только по наслышкѣ. Одинъ разъ въ недѣлю ходятъ они на базаръ въ Ходжаентъ, гдѣ вымѣниваютъ, либо покупаютъ себѣ предметы первой необходимости. Къ нимъ какъ-то странно прилагается названіе «горцевъ», названіе, съ которымъ мы привыкли соединять понятіе о существахъ энергическихихъ, рѣшительныхъ, храбрыхъ и даже хищныхъ. Ничего этого нѣтъ у горцевъ верхнечирчискаго края. Они миролюбивѣе всякихъ степняковъ, и не только неспособны воевать съ кѣмъ бы то ни было, но даже не въ состояніи охотиться, не смотря на то, что звѣрей и дичи въ ихъ горахъ множество. Они на столько бѣдны, что не имѣютъ возможности пріобрѣтать ружья, порохъ и свинецъ. Да и самая обувь ихъ—кожаные чулки—вообще непримѣнима къ хожденію по горамъ. Раскатами выстрѣловъ горы ихъ стали оглашаться только съ занятіемъ края русскими, пріѣзжающими сюда для охоты, по преимуществу, на кабановъ. Въ ихъ рѣкахъ водится довольно рыбы, но и рыболовствомъ они не занимаются по неимѣнію снастей. Единственное занятіе горцевъ въ лѣтнюю пору состоитъ въ земледѣліи и огородничествѣ.

Способъ владѣнія землей у нихъ общинный. Но это относится только до земель, прилегающихъ къ рѣкамъ, т. е. орошаемымъ канавами (арыками), выводимыми изъ рѣкъ. Арыки проводятся общими усиліями, а потому и земли дѣлятся поровну между членами общины. Передѣлъ участковъ совершается черезъ три года. На мой вопросъ, почему это дѣлается черезъ три года, а не каждый годъ, я получилъ отвѣтъ: «такъ ведется искони».

Земли, удаленныя отъ воды, по покатоствіямъ горъ, не дѣлятся, а занимаются каждамы, кто хочетъ и сколько хочетъ. Тамъ, вслѣдствіе невозможности проведенія арыковъ, хлѣбъ родится уже безъ полива. Земля въ горахъ каменистая, а потому и воздѣлывается съ трудомъ. Поливаемая земля даетъ урожай пшеницы самъ 8—10, а урожай посѣвовъ на горахъ зависитъ отъ количества выпадающей влаги: здѣсь урожай пшеницы даетъ среднимъ числомъ самъ 4—5.

Огородничество у горцевъ составляетъ подспорье хлѣбопашеству. Лѣтомъ, до уборки хлѣбовъ, фрукты составляютъ почти единственный источникъ пропитанія. Дыни и особенно арбузы, разводимые здѣсь, весьма хороши. Персики и урюкъ, вслѣдствіе возвышеннаго положенія страны, мелки и не отличаются вкусомъ. Виноградъ разво-

дится въ небольшомъ количествѣ. За то жители много уничтожаютъ фисташекъ и миндальныхъ орѣховъ, которые составляютъ здѣсь столь же распространенное лакомство, какъ въ Россіи подсолнечниковыя и тыквенныя сѣмена. Фрукты здѣсь созрѣваютъ мѣсяцемъ позже, чѣмъ въ Ташкентѣ.

Въ зимнее время горы отдыхаютъ. Единственный родъ занятій ихъ въ это время состоитъ въ уходѣ за скотомъ; но такъ какъ скота они содержатъ мало и притомъ онъ получаетъ у нихъ чисто спартанскую выдержку, то и заботъ о своихъ животныхъ они прилагаютъ немного.

Зимы здѣсь начинаются съ половины октября и снѣгъ выпадаетъ очень глубокій, заносы совершенно бѣдняя деревушки, такъ что жители по нѣсколько дней остаются запертыми въ четырехъ стѣнахъ. Выдержавъ карантинъ, имъ удается расчистить узенькія дорожки для сообщенія съ ближайшими сосѣдями по деревнѣ. Сообщеніе же между деревнями положительно прекращается, такъ какъ пути пролегаютъ по карнизамъ и тропинкамъ надъ пропастями, о возможности расчистки которыхъ горы даже и не помышляютъ. Хотя зимы здѣсь снѣжны, по морозовъ большихъ не бываетъ, равно какъ не бываетъ и большихъ вѣтровъ. Расположеніе деревень въ глубинѣхъ долинахъ служитъ достаточнымъ тому объясненіемъ. Наоборотъ, на вершинахъ горъ дуютъ постоянные вѣтры и бываютъ страшные холода.

Горы въ своихъ нѣдрахъ, во всей вѣроятности, заключаютъ много ископаемыхъ богатствъ; но таковыя всегда были для туземцевъ terra incognita. Съ приходомъ русскихъ, горы эти стали эксплуатироваться.

Въ восьми верстахъ отъ Ходжакента, года четыре тому назадъ, найдены залежи каменнаго угля, принадлежащія нынѣ купцу Первущину. Залежи расположены въ дикой, трудно доступной мѣстности, среди каменистыхъ пиковъ, горящихъ подобно гигантскимъ статуямъ. Расположеніе каменноугольныхъ пластовъ необыкновенно счастливое. Въ теченіе двухъ лѣтъ уголь выбирался прямо съ поверхности, и только въ послѣдующіе зѣты два года нужно уже было приступить къ подземнымъ работамъ. Такъ какъ нынѣ, для дальнѣйшей разработки угля, приходится все больше углубляться въ землю и производить болѣе сложныя подземныя работы, то предприниматель имѣетъ въ виду бросить эти копи, въ надеждѣ розыскать другія, столь же счастливо расположенныя, мѣстонахожденія.

Л. Костенко.

ОТЪ ХИВЫ ДО КАЗАЛИНСКА.

(Путевые очерки).

I.

ОТЪ ХИВЫ ДО ХАНКИ.

Выступленіе русскаго отряда изъ Хивы.—Характеръ мѣстности отъ Хивы до Ханки.—Хивинская линейная мѣра.—Занятія о земледѣльной производимости хивинскаго оазиса.—Урожай и доходность земли.—Характеръ построекъ.—Расчистка каналовъ.—Устройство водоподъемныхъ снарядовъ для орошенія полей.—Устройство мельницъ.—Переправа черезъ Аму у Шурахана и у Шейх-арыка.—Устройство хивинской телеги (арбы).—Особенности хивинской запряжки.—Хивинскія лодки (каюки).

Въ началѣ августа текущаго года рѣшено было, чтобы русскія войска, находившіяся въ Хивѣ, возвратились во-свои, за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя должны были занять правый берегъ Аму. Такъ какъ для поднятія войсковыхъ тяжестей возвращавшагося отряда потребовалось много верблюдовъ, въ доставленіи которыхъ встрѣтилось затрудненіе, то и было предположено часть отряда отправить въ Сыр-дарьинскую область водянымъ путемъ, при помощи хивинскихъ лодокъ и пароходовъ, стоявшихъ у устья Аму-дары. Этимъ путемъ должны были возвратиться: лазаретъ, артиллерійскій паркъ, безсрочно-отпускные и чины главной квартиры. Главныя же силы Туркестанскаго отряда рѣшено было двинуть по прежнему пути на Халъ-ата, Каракъ-ата, Аякъ, Балта-салдыръ, Темиръ-кабукъ и Джизакъ.

Лазаретъ и артиллерійскій паркъ были нагружены на каюки (хивинскія лодки) уже 7-го августа, и прямо изъ подъ стѣнъ Хивы направлены по каналу Позванъ-ата, вверхъ къ Аму, а оттуда внизъ по рѣкѣ къ Шурахану, куда выступилъ и весь Туркестанскій отрядъ 12-го августа.

Отъ Хивы войска потянулись на Ханки, небольшой городокъ съ крѣпостью на лѣвомъ берегу Аму, въ четырехъ верстахъ отъ рѣки. Дорога до Ханки проходить по мѣстности, прекрасно обработан-

ной, среди пашень, садовъ и огородовъ. Отдѣльные дома, въ видѣ глиняныхъ замковъ, часто видѣются то вправо, то влѣво отъ дороги.

Мѣстами, впрочемъ, попадаются незначительныя пространства чистыхъ солончаковъ, либо песчаныхъ, образующія пустыри. Грунтъ дороги глинисто-солонцеватый, въслѣдствіе чего лѣтвомъ здѣсь образуется необыкновенная пыль, а зимою—невылазная грязь.

Отъ Хивы до Ханки считается тридцать верстъ, или, по хивински, пять ташей. Хивинскій ташъ, или иначе еще «фарсангъ» равняется шести верстамъ, тогда какъ бухарскій — восьми. Это различіе въ величинѣ линейной мѣры у бухарцевъ и хивинцевъ произошло совершенно случайно. Настоящая законная линейная мѣра у мусульманъ опредѣлена шаріатомъ: она равняется 12,000 шаговъ, что составляетъ, приблизительно, нашихъ восемь верстъ. Но въ Хивѣ, во время царствованія Магометъ-Эминъ-хана или Медеминъ-хана (отъ 1843—1855 года) была установлена другая мѣра, и вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Ханъ приказалъ своимъ чиновникамъ измѣрить расстояние по дорогамъ отъ столицы до важнѣйшихъ пунктовъ своего ханства и обозначить это расстояние насыпными холмами. Вознагражденіе чиновникамъ ханъ опредѣлилъ по количеству измѣренныхъ ташей. Чиновники, желая получить большую плату, уменьшили величину фарсанта, сдѣлавъ его равнымъ только 9,000 шаговъ или шести нашимъ верстамъ. Насыпанные хивинцами холмы, высотой въ человѣчскій ростъ, усматриваются и понынѣ; но они заросли бурьяномъ и походить какъ бы на естественные холмики, такъ что путникъ обращаетъ на нихъ вниманіе только тогда, когда ихъ ему укажутъ (*).

Во время движенія нашего отряда, наибольшее количество засѣянныхъ полей находилось подъ *джугарю* (sorgs holeum). Не смотря на то, что была уже половина августа, при знойномъ хивинскомъ лѣтѣ, растение это, похожее по наружному виду частью на камышъ, частью на кукурузу, еще зеленѣло. Оно посѣвается только въ концѣ сентября. Джугара въ Хивинскомъ ханствѣ замѣняетъ ячмень въ Бухарскомъ ханствѣ и въ Ташкентѣ для корма лошадей, съ тою разницею, что зерна джугары употребляютъ здѣсь, кромѣ того, и въ пишу людямъ. Хлопчатникъ плантаціи также занимаютъ видное мѣсто въ Хивинскомъ ханствѣ. Хлопчатникъ здѣсь созрѣваетъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Онъ растетъ гораздо ниже, чѣмъ въ

(*) Необходимо замѣтить, что въ Хивѣ бухарское названіе линейной мѣры ташъ (камень) мало употребительно. Это послѣднее названіе произошло оттого, что въ Бухаріи, еще издавна, при Тимурѣ, расстоянія по дорогамъ обозначались каменными столбами.

Бухарѣ и даже чѣмъ въ Ташкентѣ; коровочки его мельче и волокна короче; но за то послѣдній, какъ кажется, пѣвнѣе.

Кромѣ джугары и хлопчатника зеленѣли еще поля, засѣянные рисомъ и дженушкой. Первый созрѣваетъ здѣсь въ сентябрѣ и даетъ обильный урожай. Дженушка (родъ клевера) даетъ четыре покоса въ теченіе лѣта. Вообще, урожай въ Хивинскомъ ханствѣ весьма хорошъ. Они обезпечены тою прекрасною системою орошенія полей, которая, ископн вѣковъ, усвоена здѣсь.

Но, кромѣ поливки полей, урожаю полевыхъ и огородныхъ растений способствуетъ удобреніе. Здѣсь всѣ поля удобряются посредствомъ навоза, смѣшаннаго пополамъ съ обыкновенною землею или, правильнѣе, съ пылью, снимаемою по дорогамъ. Унавоживание производится непременно каждый годъ передъ посѣвомъ, за исключеніемъ дженушки, которая, будучи разъ посѣяна, даетъ возможность снимать ее въ теченіе пяти, шести лѣтъ.

Благодаря усвоенной системѣ обработки полей, земля даетъ урожай, неизвѣстные въ Европѣ. Такъ, пшеница даетъ самъ-двадцать. На одинъ танапъ (одна шестая десятины) засѣвается обыкновенно пять батмановъ, а снимается отъ восьмидесяти до ста батмановъ. Считая среднюю цѣну батмана пшеницы въ 50 коп., оказывается, что одинъ танапъ даетъ валового дохода отъ 40 до 50 руб. или десятина — отъ 240 до 300 руб.

Отсюда становится понятнымъ, какимъ образомъ можетъ существовать здѣшнее населеніе при чрезвычайной дробности землевладѣнія. Землевладѣлецъ, имѣющій здѣсь десять танаповъ, считается богатымъ. Масса же земледѣльческаго населенія владѣетъ только двумя, тремя танапами земли, и извлекаетъ изъ нея средства, достаточныя для своего существованія. Владѣлецъ сотни танаповъ считается уже, по богатству, равнымъ хану; но такихъ счастливыхъ въ ханствѣ немного. Мелкіе земледѣльцы здѣсь усвоили себѣ трехпольную систему хозяйства; крупныя же—плодоперевѣнную, нѣсколько, впрочемъ, отличную отъ той, которая принята въ Европѣ.

Поля земледѣльцевъ въ Хивинскомъ ханствѣ ограничены неглиняными заборами, а рядами тутовыхъ деревьевъ, листья которыхъ служатъ хозяевамъ для выкормки шелкопряточныхъ червей. Среди полей, принадлежащихъ одному хозяину, находится его домъ, или, пожалуй, ферма, состоящая изъ высокой, глиняной, расположенной четырехугольникомъ, стѣны. По угламъ этой стѣны зачастую усматриваются фальшивыя башни. Кромѣ того, стѣны, какъ изнутри, такъ и снаружи, укрѣплены контрфорсами, въ видѣ конусовъ, раз-

рѣзанныхъ продольно. Крытыя ворота ведутъ въ этотъ глиняный замокъ, внутри котораго изъ глины же слѣплены жилия конуры (саки) и помѣщенія, по большей части открытыя, для скота. Нѣсколько вѣтвистыхъ деревьевъ, по преимуществу, карагачей, осыпаятъ это жилище, давая тѣнь и прохладу его обитателямъ. Прохлада доставляется также посредствомъ прудовъ, выкапываемыхъ внутри или внѣ стѣнъ; эти пруды наполняются водою изъ канавъ, проводимыхъ изъ основныхъ каналовъ ханства. При возведеніи стѣнъ, здѣсь употребляется способъ, непринятый въ другихъ ханствахъ, а именно: глиняная стѣна дѣлится не прямо поверхъ горизонта, но разобщается съ нимъ камышевою подстилкою. Этимъ путемъ достигается сохраненіе стѣны отъ сырости, поднимающейся снизу и дѣйствующей здѣсь особенно разрушительно, вслѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, близости грунтовыхъ водъ отъ поверхности земли, и, во-вторыхъ, свойства почвы, заключающей въ себѣ много соленыхъ частей, весьма способствующихъ къ проведенію влаги. Не смотря на неказистый и непрочный матеріалъ, здѣшнія зданія отличаются вышней опрятностью, т. е. они цѣлы, безъ проломовъ и трещинъ. Но за то внутренняя обстановка жилищъ поражаетъ бѣдностью.

Фермы расположены близко одна отъ другой. Среднее разстояніе между ними полверсты. Иногда они группируются вмѣстѣ и образуютъ поселки, среди которыхъ, по главной, часто единственной улицѣ, выдѣлится рядъ маленькихъ лавочекъ, въ которыхъ, развѣ въ недѣлю, открывается торгъ.

Наружный видъ, представляемый хивинскимъ оазисомъ, очарователенъ. Это очарованіе происходитъ не отъ одного контраста съ прилегающими бесплодными песчаными пустынями, но также и вслѣдствіе массы зелени, попадающей на каждый шагъ, и вслѣдствіе превосходно воздѣланной почвы. Очарованіе усиливается еще болѣе весною, вслѣдствіе пѣнія соловьевъ, количество которыхъ здѣсь громадное. Замѣтательно, что птицы эти водятся только въ Хивѣ: въ другихъ средне-азиатскихъ странахъ: въ Бухарѣ, Кокандѣ и Ташкентѣ ихъ нѣтъ. Хивинскіе соловьи поютъ не только ночью, но и днемъ, хотя, впрочемъ, они не щелкаютъ и не заливаются такъ, какъ наши русскіе соловьи.

Существованіе хивинскаго оазиса основывается на орошеніи его посредствомъ канавовъ, проведенныхъ изъ Аму. Они одни только и даютъ возможность воздѣлывать поля и сады.

Главныя каналы, выведенныя изъ Аму, по своей величинѣ, походятъ на рѣки; они тянутся въ длину на сотни верстъ и въ ши-

рину достигаютъ до двадцати и болѣе сажень. Ширина ихъ, впрочемъ, постепенно суживается къ концу, гдѣ она доходитъ часто всего до нѣсколькихъ футовъ.

Первостепенныя каналы развѣтвляются на второстепенныя, а эти послѣдніе, въ свою очередь, даютъ истокъ безчисленному множеству малыхъ канавъ, служащихъ непосредственно для орошенія полей. Глубина главныхъ канавовъ на столько велика, что по нимъ могутъ ходить барки.

Искусство, съ которымъ хивинцы умѣютъ проводить каналы и канавы, но истиннѣ, изумительно. Подробное разсмотрѣніе канализаціи ханства повлекло бы насъ слишкомъ далеко, почему мы ограничимся здѣсь только краткимъ изложеніемъ ухода за главными каналами.

Поздно осенью, т. е. въ ноябрѣ, эти каналы запираются, т. е. запираются плотины, расположенныя близъ истоковъ канавовъ. При этомъ, для того, чтобы напоромъ воды не размыло плотину и весною, раньше времени, вода не могла бы наполнить эти каналы, вода изъ верхней части канала пускается посредствомъ особаго отводнаго канала въ Аму. Раньше весною, въ концѣ февраля или въ началѣ марта, происходитъ ежегодная чистка главныхъ канавовъ. Для этого все взрослое мужское населеніе, живущее по системѣ канала, отправляется на работу, подъ надзоромъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. На каналъ Полвайт-ата, орошающій хивинскій округъ, отправляется самъ ханъ. Люди работаютъ не только безвозмездно, но еще вносятъ ежедневно по 20 коп. на содержаніе надсмотрщиковъ. Чистка канавовъ производится въ теченіе 6—7 дней, и послѣ чего плотина сверху канала открывается и въ то же самое время запирается плотина отводнаго канала. Такъ какъ всѣ каналы и канавы, выводимыя изъ Аму, лежатъ довольно низко подъ горизонтомъ, то орошеніе полей въ ханствѣ возможно только путемъ особыхъ снарядовъ, поднимающихъ воду вверхъ. Снаряды эти извѣстны у нашихъ киргизовъ подъ именемъ *чигирей*, а здѣсь они именуются *персидскими колесами*. Устройство ихъ весьма просто: посредствомъ двухъ зубчатыхъ колесъ движеніе передается большому колесу, діаметръ котораго достигаетъ сажени и болѣе, смотря по глубинѣ воды въ канавѣ. Это большое колесо двигается въ вертикальной плоскости; къ нему привязываются плотно одинъ къ другому глиняныя кушины, черпающія воду и выливающія ее въ корыто, откуда она разливается уже по полямъ. Вертикальный валъ приводится въ движеніе силою лошади, осаа или верблюда.

Низменный уровень воды въ арыкахъ служитъ причиною отсут-

ствія здѣсь водяныхъ мельницъ, устроенныхъ хотя бы самымъ первобытнымъ способомъ, какъ это дѣлается въ другихъ мусульманскихъ странахъ Средней Азіи. Въамѣнь водяныхъ мельницъ, въ Хивинскомъ ханствѣ существуютъ жернова, приводимые въ движеніе лошадыю, осломъ или верблюдомъ. Есть даже, по преимуществу у кочевниковъ, и ручные жернова; но до вѣтренныхъ мельницъ хивинское населеніе еще не дошло, хотя таковыя здѣсь были бы очень кстати, такъ какъ вѣтры въ хивинскомъ оазисѣ часты и сильны.

13-го августа, отрядъ нашъ достигъ дѣвѣаго берега Аму у Ханки, и того же числа началась переправа.

Въ Хивинскомъ ханствѣ существуютъ двѣ главнѣйшія переправы черезъ Аму: одна у Шейхъ-арыка, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Питняка, крайняго юго-восточнаго пункта хивинскаго оазиса; а другая между Шураханомъ и Ханки, почти противъ самой середины оазиса. Какъ та, такъ и другая имѣютъ свои выгоды и недостатки.

У Шейхъ-арыка Туркестанскій отрядъ переправлялся, когда шель въ Хину. Здѣсь рѣка течетъ однимъ русломъ, шириною въ 500 сажень. При быстромъ теченіи Аму, лодки и баркасы во время переправы относятся на нѣсколько верстъ ниже того пункта, къ которому надо приставать, вслѣдствіе чего лодку на большое разстояніе приходится тащить вверхъ по рѣкѣ бичевою. Это обстоятельство дѣлаетъ переправу у Шейхъ-арыка крайне медленною. Нагруженные лодки больше двухъ разъ въ день обернуться не могутъ; во время же разлива рѣки онѣ оборачиваются даже одинъ разъ.

У Шурахана переправа облегчается тѣмъ, что Аму-дарья течетъ нѣсколькими рукавами, изъ которыхъ самый главный имѣетъ ширину около 300 сажень; слѣдовательно, переправа черезъ этотъ рукавъ значительно легче. Но, съ другой стороны, переправа здѣсь усложняется тѣмъ, что, кромѣ главнаго (праваго) русла, надо перелезть на лодкахъ еще два, да кромѣ того переходить вбродъ либо на арбахъ или верблюдахъ 8 малыхъ рукавовъ и арыковъ. Разстояніе между крайними пунктами переправы равняется восьми верстамъ. Все это пространство въ періодъ полноводія заполняется водою, и тогда переправа здѣсь еще болѣе усложняется.

Шураханская переправа легче для одиночныхъ людей и небольшихъ отрядовъ, двигающихся безъ обоза; но тѣмъ значительнѣе отрядъ, тѣмъ переправа здѣсь труднѣе. Главнѣйшее затрудненіе заключается не въ транспортированіи людей, но въ транспортированіи животныхъ: лошадей и верблюдовъ. Послѣдніе отличаются особеннымъ

упрямствомъ. Громадныя усилія требуются для того, чтобы столкнуть это животное въ лодку или баркасъ, и затѣмъ, чтобы снова его извлечь оттуда. Нагрузка и разгрузка кладей также отнимаетъ немало времени.

Такъ какъ разстояніе между нѣкоторыми рукавами на шураханской переправѣ доходитъ до трехъ верстъ, то для подвоза тяжестей между рукавами служили арбы.

Хивинскія арбы и особенно хивинская упряжь, по своей оригинальности, заслуживаютъ вниманія.

Хивинскій двухколесный экипажъ строится вообще по типу среднеазіатскихъ арбъ, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что дѣлается значительно меньшихъ размѣровъ. Платформа устранивается здѣсь изъ досокъ и, кромѣ того, къ ней прибиваются борты, такъ что образуется какъ бы ящикъ. Высокія колеса (около сажени въ діаметрѣ) отличаются болѣею прочностью: ободъ дѣлается необыкновенно толстымъ, а въ ступицу вставляется металлическая втулка, что способствуетъ легкости хода экипажа. На арбу кладется отъ 15 до 20 пудовъ груза.

Возница не садится верхомъ на лошадь (какъ это дѣлается въ Ташкентѣ), а помѣщается на особомъ балкончикѣ, прибиваемомъ къ передней части арбы и покрывающемъ заднюю часть лошади. Это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы, во первыхъ, выиграть помѣщеніе на арбѣ, которое невелико, а во-вторыхъ, сиди на этомъ балкончикѣ, возница все-таки упирается ногами въ среднюю часть оглоблей, чѣмъ препятствуетъ подыманію ихъ при движеніи вверхъ, т. е. достигаетъ той же цѣли, какой достигаетъ и ташкентскій арбакешъ, садясь верхомъ на лошадь. При хивинской запряжкѣ спина лошади остается свободною не только отъ сидѣнья арбакеша, но облегчается еще болѣе вслѣдствіе хорошаго устройства сѣделки. Послѣдняя устранивается изъ двухъ продольныхъ дощечекъ, подбитыхъ кошонными подушками; къ этимъ дощечкамъ прибивается высойкій горбыль или кобылка съ желобкомъ на верху для прохода черезъ сѣдельника, такъ что между планками и горбылемъ существуетъ промежутокъ. Такимъ устройствомъ сѣделки достигается то, что хребетъ лошади совершенно открытъ и давленіе на спину облегчается. Оглобли привязываются еще къ особому ярму, надѣваемому впереди хомута и похожому на лиру. Уменьшеніе клади на арбу и лучший способъ запряжки дѣлаютъ то, что хивинскія лошади берегаются лучше; онѣ, кромѣ того, не сбиваютъ спины и плечъ, чего нельзя сказать о туземной запряжкѣ въ

Ташкентъ и Самаркандъ, гдѣ трудно встрѣтить лошадь неизбитую и необорванную вследствие дурной запряжки.

Водяныя перевозочныя средства хивичевъ также оригинальны и своеобразны. Есть два вида хивинскихъ лодокъ (каюковъ): большія и малыя. Большія имѣютъ свыше трехъ саженъ въ длину и одну сажень въ ширину. Онѣ могутъ помѣстить до ста человѣкъ, или же два орудія съ ящиками. Малые каюки имѣютъ шаговъ десять въ длину и два шага въ ширину. Устройство хивинскихъ каюковъ замѣчательно въ томъ отношеніи, что всѣ скрѣпленія у нихъ деревянныя. Лодки составлены изъ брусковъ, около сажени длины. Поперечныя смычки этихъ брусковъ въ каждомъ ряду не совпадаютъ съ таковыми же смычками въ сосѣднихъ рядахъ. Парусовъ здѣсь не знаютъ и ходятъ на веслахъ. Вместо руля служить также весло. Благодаря быстротѣ теченія Аму, каюки спускаются внизъ по рѣкѣ со скоростью 7—10 верстъ въ часъ; вверхъ же по большей части тянутся бичевою, за исключеніемъ малыхъ лодокъ, которыя почти всегда управляются веслами, либо шестью.

II.

ПЛАВАНІЕ ПО АМУ НА ХИВИНСКИХЪ ЛОДКАХЪ.

Снаряженіе гребной флотиліи. — Отплытіе ея отъ пристани у Ханковъ. — Могила Ахунъ-баба. — Берега Аму-дарьи. — Комары. — Цѣль горъ Овейсъ-карайне. — Ворота Киснактъ. — Протокъ Ишанъ.

По прибытіи отряда на лѣвый берегъ Аму, вмѣстѣ съ переправою частей на противоположный берегъ, приступлено было къ сбору хивинскихъ лодокъ для тѣхъ войскъ, которые должны были слѣдовать внизъ по рѣкѣ, къ пароходамъ. Каюки были собраны въ теченіе восьми дней и были готовы только къ 21-му августа.

Для предохраненія пассажировъ отъ палящихъ лучей солнца, на лодкахъ были устроены изъ камышевыхъ плетенковъ навѣсы, а для приготовления пищи на каждой лодкѣ сдѣлано было по два глиняныхъ очага. Для больныхъ пища готовилась на особомъ, маленькомъ каюкѣ, гдѣ находились печь и большой котелъ. Этотъ каюкъ изображалъ изъ себя подвижную кухню, такъ что пища не только готовилась, но даже иногда и раздавалась на ходу.

На каждый каюкъ назначено было по одному матросу къ рулю и по три или четыре гребца изъ безсрочно-отпускныхъ къ весламъ.

Начальство надъ гребною флотиліею поручено было командиру Туркестанской стрѣлковой бригады, генералъ-маіору Бардовскому.

Съ разсвѣтомъ 21-го августа наша гребная флотилія тронулась въ путь. До Нового Ургенча плыли по рукаву Аму-дарьи, лавируя между мелами и перекатами. Часа черезъ два пути, причалили къ берегу для погребенія одного изъ больныхъ, скончавшагося на каюкѣ. У пристани, близъ самаго берега, находился поселокъ изъ десятка домовъ, расположившихся вокругъ мечети и гробницы весьма чтимаго здѣсь святаго Ахунъ-баба.

Гробница святаго находится въ пространномъ помѣщеніи, въ видѣ сарая, съ большимъ четырехугольнымъ отверстіемъ наверху для прохода свѣта. Гробница сдѣлана въ видѣ параллелепипеда изъ жженого кирпича и одѣта бумажными однимъ поверхъ другого чехлами, число которыхъ доходитъ до десяти. Одежда, по объясненію муалы, сдѣлана съ цѣлью предохраненія и безъ того невзрачнаго мавзолея отъ разрушенія. Рядомъ со святиымъ находятся гробницы его родственниковъ.

Верстахъ въ пяти ниже этого поселка, на лѣвомъ же берегу, лежитъ городъ Новы-й-Ургенчъ, въ которомъ сосредоточивается вся торговая дѣятельность Хивинскаго ханства. Близъ Нового-Ургенча мы выѣхали на главное русло Аму, явившейся нашему взору въ полнѣйшемъ величіи. Здѣсь ширина рѣки доходитъ до двухъ верстъ. Мѣстами, ниже, она разливается даже до десяти верстъ, такъ что походитъ скорѣе на заливъ моря или на озеро, чѣмъ на рѣку.

Берега нижняго Аму низменны и плоски. Отъ пристани у Ханковъ лѣвый берегъ населенъ, причемъ, сады и дома только въ одномъ мѣстѣ примыкаютъ къ самому берегу, по вообще отстоятъ отъ рѣки на значительномъ разстояніи.

Не доходя кишлака Рахметъ-берды-бій (на правомъ берегу), флотилія остановилась на почтѣ довольно рано. Остановка была необходима для того, чтобы подождать артиллерійскаго парна, который долженъ былъ отплыть отъ шураханскаго берега.

Съ наступленіемъ вечера, на почлегѣ насъ въ первый разъ осадили комары.

Берега Аму почти на всемъ протяженіи, гдѣ они покрыты кустарникомъ, либо камышомъ, изобилуютъ этими насѣкомыми, которыя, съ наступленіемъ вечера, начинаютъ дѣлать свои нападенія. Трудно передать то мученіе, которое они производятъ. Они пропускаютъ тонкую одежду и ни на минуту не даютъ покоя. Всякія ухищренія избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ помогаютъ мало. Они забираются подъ пологъ и тамъ отравляютъ ваше спокойствіе. Вообще, во все время нашего плаванія по Аму почти были проведены въ

мучительной борьбѣ съ несносными насѣкомыми. О спѣ ночью нечего было и помышлять, такъ что только утро избавляло отъ самыхъ адскихъ, нестерпимыхъ мукъ.

На рассвѣтъ 22-го числа прибылъ артиллерійскій паркъ, и наша флотилія, въ количествѣ 31 каюка, двинулась въ путь. Величественное зрѣлище представляла она среди роскошной, широкой рѣки! Едва ли не впервые еще на этой рѣкѣ была собрана такая судовая сила.

Отъ Рахметъ-берды-бія рѣку сопровождаетъ справа невысокая, голая гряда горъ Овейсъ-нарайне, постепенно приближающаяся къ самому руслу. Между Гурленомъ и Мангитомъ эта степь пересѣкаетъ рѣку, которая проходитъ, такимъ образомъ, какъ бы сквозь ворота, или ущелье, извѣстное у туземцевъ подъ именемъ Киснакъ. Справа горная цѣпь упирается круто, почти отвѣсно въ рѣку, а съ лѣвой — она имѣетъ къ сторонѣ рѣки значительное заложеніе. Ширина Аму въ этомъ мѣстѣ около 300 сажень, и это одно изъ самыхъ узкихъ мѣстъ главнаго русла рѣки.

Вышеупомянутыя горы въ значительной степени разнообразятъ берега Аму. Здѣсь, на одной изъ возвышенностей, близъ берега, воздвигнута четырехугольная башня, которая усматривается, въ видѣ маяка, чрезвычайно далеко, по мѣрѣ приближенія къ ней сверху или снизу по рѣкѣ. Туземцы называютъ эту башню могилою святаго Овейсъ-нарайне, сподвижника пророка и основателя монашескаго ордена.

Пройдя ворота Киснакъ, берега Аму снова становятся однообразными и пустынными. Парѣдка только увидишь на той или другой сторонѣ рѣки населенный пунктъ, обозначающийся зеленью садовъ.

Плоскіе берега рѣки иногда покрыты кустарникомъ, либо камышомъ, въ которыхъ водятся кабаны, тигры и фазаны.

Парѣдка на рѣкѣ встрѣтится небольшая рыбацья лодка, а на самомъ берегу жалкая хижина или шалашъ — пріютъ рыбака. Вообще, рѣка производитъ тоскавное впечатлѣніе по отсутствію на ней человѣческой дѣятельности. Будь эта широкая, многоводная рѣка въ Европѣ, какою важною жизненною артеріею она служила бы для предпримчиваго люда! Но, нѣтъ сомнѣнія, что приближается время, когда и Аму-дарья, по своему значенію для человѣка, сравнится съ европейскими рѣками и займетъ то мѣсто, какое ей подобаетъ среди важнѣйшихъ рѣкъ земнаго шара.

Перекочевать на правомъ берегу противъ узбекской деревушки Кипчакъ, наша гребная флотилія потянулась дальше, и на слѣдующій

день остановилась на ночлегъ, около пяти часовъ вечера, на высотѣ города Ходжейли, который лежитъ на лѣвомъ берегу, часахъ въ двухъ отъ рѣки, но не соединяется съ нею цѣпью садовъ и отдѣльныхъ построекъ. Здѣсь флотилію долженъ былъ встрѣтить хивинскій чиновникъ, *эсаулъ-баши*, которому заблаговременно дано было предписаніе провести наши каюки къ мѣсту расположенія пароходовъ. Чиновникъ этотъ находился въ Кунградѣ и занимался разрушеніемъ плотинъ, построенныхъ хивинцами въ главномъ руслѣ рѣки, съ цѣлью не пропустить въ нее русскихъ пароходовъ. Такъ какъ, вѣроятно, вслѣдствіе поздняго полученія приназанія, *эсаулъ-баши* въ Ходжейли не оказалось, то начальникъ нашей гребной флотиліи послалъ въ городъ за бекомъ, съ цѣлью разспросить его о протокахъ Аму и взять у него проводниковъ. Когда солнце смеркалось, бѣкъ пріѣхалъ на наши суда и, ласково принятый начальникомъ эскадры, обязательно далъ проводниковъ для нашего отряда.

24-го августа, выступивъ съ восходомъ солнца, и пройдя часа два, флотилія наша встрѣтила у самаго истока протока Ишанъ нѣсколько каюковъ, нагруженныхъ солдатами роты 8-го линейнаго баталіона, возвращавшихся отъ пароходовъ къ Шурахану, гдѣ они должны были поступить въ составъ гарнизона. Каюки тащились бичевою, вверхъ по теченію. Люди сообщали, что протокъ Ишанъ, по которому они вытянулись въ Аму, болѣе удобенъ протока Узюкъ, по которому мы предполагали идти, почему мы переѣхали направленіе и, взявъ проводниковъ у возвращавшейся роты, поплыли по протоку Ишанъ.

До Ходжейли берега рѣки были покрыты, главнѣйшимъ образомъ, гребенщикомъ (*tamarix*), кустарникомъ въ полъ-аршина вышиною. Нѣсколько верстъ ниже, гребенщикъ замѣнился камышомъ. Въ камышѣ, при яркомъ свѣтѣ солнца, глазъ усматривалъ миріады дѣтающихъ кобылокъ; масса птицъ стремительно шныряла сквозь тучи этихъ насѣкомыхъ, служащихъ имъ пищею. Кромѣ того, въ этихъ камышахъ гнѣздится множество кабановъ; есть также и тигры (*).

Протокъ Ишанъ сперва широкъ и прямой, но потомъ дѣлается извилистымъ и узкимъ. Верстахъ въ пятидесяти отъ начала, протокъ теряетъ свои берега и обращается въ громаднѣйшій разливъ, обильно поросшій камышами. Камыши идутъ не спадомъ, но группами, такъ что образуются чистыя мѣста. Лодки наши, подъ руководствомъ

(*) Рассказы Вамбери (см. *Очерки Средней Азии*) о густыхъ лѣсахъ на берегахъ Аму (стр. 121 и 127), о лѣвахъ, обтоающихъ въ нихъ (стр. 127), о водопадѣ у Ходжейли, гдѣ суда спускаются на канатахъ (стр. 128 и 133) и пр. и пр. относятся къ области необузданной фантазіи.

проводниковъ и эсаулъ-баши, который встрѣтилъ насъ въ протокъ, лавировали между камышей. Камыши растутъ прямо изъ воды, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они рѣдки, лодки проходили прямо черезъ нихъ.

Въ пѣкоторыхъ мѣстахъ камыши разступаются на значительное пространство въ длину и ширину, чрезъ что образуются большія чистыя пространства, именуемая у туземцевъ озерами. Одно изъ такихъ озеръ очень глубоко, такъ что при сильномъ вѣтрѣ проходить по немъ на лодкахъ опасно. Мѣстами же протокъ очень мелокъ, такъ что лодки съ трудомъ могли проѣхать. Вода въ камышахъ, вслѣдствие фильтраціи, изъ желтой и мутной, становится чистою и прозрачною.

По протоку мы ѣхали трое сутокъ и останавливались на ночлегъ среди камышей, прикрѣпляя къ нимъ свои лодки. Наконецъ, къ вечеру 26-го августа, мы вышли изъ протока въ Улькунъ-дарью прямо къ мѣсту стоянки нашихъ пароходовъ.

III.

ОТЪ АМУ ДО КАЗАЛИНСКА.

Пароходы «Перовскій» и «Самаркандъ». — Улькунъ-дарья. — Крѣпость Акъ-кала. — Кичине-дарья. — Выходъ въ Аральское море. — Буря на Аральскомъ морѣ. — Аргамакъ. — Свойства Аральскаго моря. — Островъ Косъ-аралъ. — Рыбачій поселокъ на Косъ-аралѣ. — Прибытіе въ Казалинскъ.

Съ разсвѣтомъ, 27-го августа, началась нагрузка баржъ и пароходовъ. Работа кипѣла, и къ одиннадцати часамъ утра пароходы уже готовы были къ отплытію. Теперь образовалась, такъ сказать, паровая эскадра, состоявшая изъ двухъ пароходовъ, тащившихъ три баржи. Оба парохода, по своимъ свойствамъ, были диаметрально противоположны и составляли какъ бы дополненіе одинъ другому: предполагалось, что одинъ пароходъ долженъ конвоировать другой. Пароходъ «Перовскій», въ 40 силъ, ветеранъ Аральской флотиліи: онъ построенъ еще въ 1850 году и, по своей конструкціи, можетъ свободно плавать по Аральскому морю, такъ какъ имѣетъ всѣ нужныя къ тому приспособленія: полукруглое дно и выдвижные килы. Но, будучи старъ, онъ не всегда можетъ поручиться за исправное дѣйствіе своей машины. Вотъ причина, почему «Перовскій» предназначено было сопровождать другому пароходу «Самаркандъ». Этотъ послѣдній, купленный въ 1866 году у бельгійскаго общества «Рокериль», отличается болѣе сильною машиною (семьдесятъ силъ); но, съ другой стороны, по плоскости своего дна и мелкой

осадкѣ, онъ менѣе сподрученъ для плаванія по морю; кромѣ того, онъ такой легкой постройки, что можно опасаться, что сильное волненіе его сломитъ.

Пароходы эти, согласно составленнаго плана хивинской экспедиціи, должны были войти въ Аму-дарью и слѣдовать вверхъ по рѣкѣ до встрѣчи съ войсками туркестанскаго отряда, съ цѣлью помочь ему при переправѣ черезъ широкую рѣку. Рекогносцировка покойнаго Бутакова въ 1858 году давала надежду на возможность осуществленія этого плана, который, къ сожалѣнію, не удался, и вотъ по какимъ причинамъ. Хивинцы, вскорѣ послѣ ухода Бутакова изъ устья Аму, въ страхъ, чтобы русскіе снова не появились въ ихъ водахъ, задумали совершенно загладить входъ въ эту рѣку посредствомъ плотинъ. Для достиженія этой цѣли, они, путемъ гигантскихъ работъ, устроили въ Улькунъ-дарѣ (правый судоходный каналъ Аму-дарьи) семь плотинъ, которые задержали воду въ рѣкѣ и не дали, такимъ образомъ, нашимъ пароходамъ возможности проникнуть въ Аму. Пароходы все время стояли въ 74 верстахъ отъ устья Улькунъ-дарьи и всякія попытки ихъ пробраться боковыми протоками оказались тщетными. По приказанію генерала Кауфмана, плотины въ теченіи іюля и августа были разрушены, но уже тогда, когда пароходы наши должны были возвратиться въ Казалинскъ. Такимъ образомъ, только въ будущемъ году можетъ разрѣшиться вопросъ о движеніи нашихъ пароходовъ по Аму.

Тронувшись въ путь, оба парохода къ вечеру достигли устья Улькунъ-дарьи или, правильнѣе, устья небольшого протока означенной рѣки, Кичине-дарьи, гдѣ остановились для изслѣдованія бара.

На всемъ своемъ протяженіи Улькунъ-дарья представляется въ видѣ ровной, чрезвычайно извилистой ленты, средняя ширина которой равняется 100 саженимъ. Глубина вездѣ остаточная: наименьшая—двѣ сажени, наибольшая—шесть. Теченіе весьма тихое, доходящее лишь до 2-хъ верстъ въ часъ. Берега рѣки плоскіе, низменные, покрытые на значительное пространство вглубь особою болотною травой аржанникомъ, а мѣстами камышомъ. Справа и слѣва виднѣются небольшіе аулы изъ 3—4 кибитокъ киргизовъ и каракалпачковъ. Кибитки сдѣланы изъ камыша и только верхъ ихъ войлочный. Мѣстами возахъ этихъ ауловъ усматриваются копы или скирды накошенной травы—запасъ пищи для немногочисленныхъ стадъ кочевниковъ. Въ 16-ти верстахъ отъ устья рѣки, на правой сторонѣ, на самомъ берегу, находится крѣпость Акъ-кала съ прилегающимъ къ ней поселкомъ изъ нѣсколькихъ сакель. Поселокъ занятъ жителями, но крѣпость бро-

шена. Крѣпость имѣетъ форму четырехугольника съ фланкирующими башнями. Она была занята тысячею человѣками гарнизона и тремя орудіями. Крѣпость построена весьма удачно относительно обстрѣливанія фарватера рѣки, и хивинцы до такой степени были увѣрены въ ея силѣ, что, свѣдавъ въ концѣ апрѣля о приближеніи нашихъ пароходовъ, послали гонцовъ съ угрозою потопить нашу эскадру, если она осмѣлится двинуться мимо стѣнъ крѣпости.

Наша эскадра, будучи сама хорошо вооружена 14-ю орудіями, не обратила никакого вниманія на угрозы хивинцевъ, и 2-го мая стала подходить къ крѣпости. Приблизившись на пушечный выстрѣлъ, она была встрѣчена неприятельскими ядрами, изъ которыхъ только одно, попавъ удачно на пароходъ «Самаркандъ», разбилось о якорь и вывело девять человѣкъ изъ строя. Нѣсколько гранатъ, пушенныхъ изъ нашихъ орудій, навели на неприятеля паническій страхъ и обратили его въ бѣгство. Въ нѣсколько минутъ крѣпость была совершенно очищена.

Въ 8-ми верстахъ ниже этой крѣпости, отъ Улькунъ-дарьѣ отдѣляется протокъ Кичкине-дарьѣ (малая рѣка), по которому и направились наши пароходы, потому что баръ здѣсь лучше, чѣмъ на Улькунъ-дарьѣ.

Главнѣйшимъ камнемъ преткновенія для плаванія по Аму-дарьѣ безспорно служитъ баръ у ея устья. Въ этомъ отношеніи Аму совершенно удобообластаетъ Сыру. Аму-дарьинскій баръ, также какъ и сырдарьинскій, непостояненъ и измѣняется, находясь въ зависимости отъ прибыли воды съ верховій рѣки или съ моря. Направление бара также измѣнчиво. Въ то время когда проходили наши пароходы, баръ въ Кичкине-дарьѣ равнялся 3½ футамъ глубины и 150 саженамъ ширины.

28-го августа, съ разсвѣтомъ, пароходы наши прошли черезъ баръ и выплыли въ открытое море. Подуя юго-западный вѣтеръ и оба парохода тотчасъ раздѣлились и попылки сооробно съ своими качествами: «Самаркандъ» пошелъ вдоль восточнаго берега, а «Перовскій» — прямо въ открытое море. Чѣмъ дальше подвигался впередъ пароходъ «Перовскій», тѣмъ вѣтеръ становился свѣжѣе и волненіе увеличивалось. Пароходъ кидало, какъ щепку. Качка была столь сильна, что нельзя было устоять на ногахъ. Многіе изъ пассажировъ тотчасъ почувствовали головокруженіе, тошноту и другіе симптомы морской болѣзни. Временами, вѣтеръ нагонялъ тучи, которая разрѣшались краткимъ, но сильнымъ дождемъ. Къ полуночи, когда пароходъ былъ на самой серединѣ моря, внезапно налетѣлъ шквалъ, который началъ рвать

паруса и метать пароходъ, какъ яичную скорлупу. Волны заливали палубу баржи и парохода. Поездѣйскій накренивался такъ сильно, что колеса, по очередно, выходили совершенно изъ воды и болтались въ воздухѣ. Пароходъ началъ дѣлать эволюціи съ цѣлью противуставить яростному дѣйствію стихій. Къ довершенію всего, пошелъ проливной дождь, въ одну минуту вымочившій до нитки всѣхъ, кто оставался на палубѣ. Къ счастью, шквалъ продолжался только 20 минутъ. Небо расчистилось и луна снова показалась на небосклонѣ, хотя вѣтеръ, по прежнему, былъ свѣжій. Пассажиры успокоились и пароходъ, покачиваясь въ волнахъ, пошелъ дальше. Проходя въ нѣсколькихъ миляхъ мимо острова Николая, пароходъ былъ покрытъ цѣною тучею новыхъ пассажировъ, принесенныхъ вѣтромъ съ острова. Эти пассажиры были родъ комаровъ, безъ хобота, не сосущихъ и не жалищихъ. Эти насекомыя называются на мѣстномъ языкѣ *армаками*. Количество ихъ было столь громадно, что они сплошь облѣпили пароходъ. Хотя насекомыя эти не жалятъ, но, будучи раздражены, они начинаютъ руки и одежду въ непріятный зеленый цвѣтъ; кромѣ того, они надѣбдаютъ свою массу; вотъ почему ихъ необходимо было удалить. По приказанію капитана, матросы начали сметать непрощенныхъ гостей въ корзины и выбрасывали ихъ за бортъ.

На другой день плаванія нашего въ морѣ задѣлъ противный вѣтеръ прямо въ ность пароходу. Такъ какъ машина парохода, по своей слабости, не могла преодолѣть этого вѣтра, то пароходъ сталъ на якорь и простоялъ почти цѣлые сутки, пока вѣтеръ не перемѣнился.

Необходимо замѣтить, что Аральское море принадлежитъ къ числу самыхъ бурныхъ и беспокойныхъ. Здѣсь дуютъ постоянные вѣтры, такъ что штилъ почти не бываетъ. Преобладающіе вѣтры на Аралѣ — сѣверо-восточные. Они дуютъ упорно по цѣлымъ мѣсяцамъ, и если смѣняются, то только на нѣсколько дней. Но если вѣтры съ одной стороны затрудняютъ плаваніе по Аральскому морю, то съ другой море это имѣетъ свои удобства; а именно: значительную глубину и отсутствіе мелей, вслѣдствіе чего можно смѣло плавать по компасу. Наибольшая глубина моря 32 сажени; средняя — 13 сажень. Вообще, глубина уменьшается отъ западнаго берега къ восточному. Грунтъ дна въ сѣверо-западной половинѣ илистый, а въ юго-восточной — песчаный.

Для плаванія на Аральскомъ морѣ необходимы суда глубоководія, килевыя. Для плаванія же по Сыру и Аму, наоборотъ, нужны мел-

косидація, плоскодонныя. Вотъ почему, если разовьется у насъ пароходство по Сыру и Аму, то для связи между ними необходимо будетъ устроить особыя, морскія суда.

На третій день плаванія по морю пароходъ «Перовскій» воспользовался благопріятнымъ вѣтромъ и продолжалъ путь. Къ вечеру онъ достигъ острова Кугъ-аралъ, гдѣ укрылся отъ сѣверо-западнаго вѣтра, который не позволялъ идти на сыръ-дарьинскій баръ, такъ какъ волны нагонялись туда съ моря. Въ полночь, вѣтеръ перемѣнился и пароходъ быстро двинулся къ бару, черезъ который и прошелъ благополучно. Вода на барѣ стояла на пять футовъ. Пароходъ «Самаркандъ» прошелъ чрезъ баръ сутками раньше.

Пройдя черезъ баръ, мы вошли въ Сыръ-дарью и считали себя уже совершенно дома, хотя до Казаинска, перваго значительнаго пункта Сыръ-дарьинской области, по рѣкѣ оставалось еще 150 верстъ.

Сыръ-дарья впадаетъ въ Аральское море тремя рукавами, изъ которыхъ только одинъ правый судоходенъ; остальные два заросли камышомъ. Всѣ три рукава прикрываются низменнымъ, песчанымъ островомъ Косъ-аралъ. На этомъ островѣ еще въ 1849-мъ году былъ выстроенъ небольшой фортъ, остатки котораго сохранились и нынѣ. Въ настоящее время, на островѣ живетъ нѣсколько семействъ русскихъ и киргизовъ, которые занимаются рыбодовствомъ. Поселокъ состоитъ изъ десяти камышовыхъ хижинъ, расположившихся слободно на самомъ берегу рѣки, близъ ея устья. Въ течение весны и лѣта здѣсь остается только самое незначительное число рыбопромышленниковъ; по къ осени число ихъ увеличивается, потому что уловъ рыбы въ это время дѣлается гораздо значительнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Ловля производится крѣчьями. Ловится, по преимуществу, осетръ, изъ котораго добывается икра, вязига и клей. Въ Казаинскѣ рыба сбывается по 1 руб. 60 коп., и по 2 руб. пудъ; икра по 50 коп. фунтъ; клей по 1 руб. 60 коп., и вязига по 40 коп. фунтъ. Только незначительное количество рыбы потребляется въ Казаинскѣ, все же остальное вывозится въ Оренбургъ. Развѣръ вывоза, однако, невеликъ и простирается тысячи на три рублей ежегодно.

Миновавъ рыбацкій поселокъ, пароходъ нашъ шелъ вверхъ по рѣкѣ двое сутокъ и 2-го сентября прибылъ въ Казаинскъ.

Л. Костенко.

5-го сентября, 1873 года.

ЗАПИСКИ СТАРАГО КАЗАКА (*).

XL.

«УСЯКА — БЫЛИНА».

Нѣтъ сомнѣнія, что человека формируетъ окружающая его среда; она незамѣтно, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ и переживаемыхъ впечатлѣній, лѣпитъ изъ него тотъ или другой характеръ, съ тѣмъ или другимъ направленіемъ... Нѣтъ также сомнѣнія, что и общества, и народы, подчиняясь обстановкѣ, выливались въ своеобразную форму правовъ и обычаевъ, подъ общимъ вліяніемъ мѣстныхъ преданій, рѣзко характеризующихъ каждый народъ, каждое общество.

Назадъ тому лѣтъ тридцать, наше кавказское линейное казачье войско до крайности было бѣдно людьми образованными, такъ что не только мало-мальски развитая личность, но и полуграмотный казакъ уже считался великимъ грамотѣемъ, и въ войскѣ носилъ знаменательный титулъ «письменнаго». При такомъ низкомъ уровнѣ общаго образованія въ войскѣ, народнымъ суевѣріямъ и предрассудкамъ было полное раздолье. Домовые, вѣдьмы, оборотни и заговоры составляли стихійную принадлежность нашего населенія.

Не считаю нужнымъ говорить о художественномъ развитіи казачьяго общества; читатель самъ пойметъ, что быть казакомъ и художникомъ, при прежнихъ условіяхъ жизни, было также трудно, какъ медвѣдю сдѣлаться опернымъ пѣвцомъ.

Изъ того, что я сказалъ выше, можно видѣть, что прошлое состояніе казачества не благопріятствовало умственному развитію и матеріальному благосостоянію края. Принципы этого средневѣковаго военнаго братства противорѣчатъ духу нашего времени и во многихъ отношеніяхъ идутъ съ нимъ въ разрѣзъ. Какъ учрежденіе, вызванное нуждами дикаго общественнаго положенія народа, оно отжило свой вѣкъ, и не ладится съ гражданскими требованіями той страны, съ которой его соединила историческая судьба.

Но за послѣднее время утекло много воды, обстоятельства перемѣнились — и бывшая истина становится сказкой... «Свѣже преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

(*) См. «Военный Сборникъ» 1873 г. № 10.